

Религиоведение

УДК 224

**СУДЕБНАЯ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА –
НАУЧНЫЙ ЖАНР ВНЕ УЧЕБНОЙ АУДИТОРИИ: ОПЫТ
МЕТАЭКСПЕРТИЗЫ**

Л. С. Астахова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

г. Казань

Аннотация

В статье рассматривается опыт метаэкспертизы по судебному процессу Церкви саентологии г.Москва, как основания для судебных решений. Особое внимание уделяется процессу формального сопровождения экспертизы, как основанию для отвода, в том числе, содержательно качественной экспертизы, а так же приводятся рекомендации, как этого можно было бы избежать.

Ключевые слова: религиоведческая экспертиза, метаэкспертиза, судебная экспертиза, ошибки в религиоведческой экспертизе

**JUDICIAL THEOLOGICAL EXAMINATION –
SCIENTIFIC GENRE OUT OF EDUCATIONAL AUDIENCE:
EXPERIENCE OF METAEXAMINATION**

L. S. Astakhova

Kazan (Volga region) Federal University

Kazan

Annotation

In article experience of metaexamination on trial of Church of scientology Moscow as the bases for judgments is considered. The special attention is paid to process of formal maintenance of examination as to the basis for branch, including, substantially high-quality examination, and recommendations are also provided as it could be avoided.

Keywords: theological examination, metaexamination, judicial examination, mistakes in theological examination.

Проблема актуализации соотношения правового и социального поля, существования и функционирования религиозных организаций и групп, зачастую, кроется в простом факте: внутренние религиозные нормы и ценности могут различаться с социальными, и более того, с правовыми нормами, либо в религиозных доктринах им может придаваться иное звучание. Смысл жизни и смерть, жертва и долг, норма и девиация, добро и зло, наконец – все эти категории приобретают иные смыслы и оттенки. Как сосуществовать в едином пространстве социума и государства России всему многообразию религий, и можно ли это сделать? На этот вопрос пытаются отвечать религиоведы. Пытаются, хотя зачастую их голоса раздаются не в зале судебных заседаний, а лишь на страницах порталов, научных и околонучных изданий. Однако сегодня статус религиоведа заметно окреп.

Судебная экспертиза вообще, и религиоведческая экспертиза в частности, выступает одним из эффективных инструментов всестороннего рассмотрения в суде всех аспектов дела. Особенно востребованной религиоведческая экспертиза являлась при рассмотрении дел по статьям, связанным с экстремизмом. Но практически всегда этот способ не являлся самостоятельным, будучи связанным, тесно и непосредственно, в рамках комплексной экспертизы – с лингвистической и психологической. Это обусловлено самим законодательством – признаки экстремизма связаны с созданием негативных установок, либо высказываниями в отношении каких либо групп... Религиоведческая часть этих комплексных экспертиз была связана с оценкой фактов высказываний, связанных со спецификой религиозной риторики, либо, что чаще – специфических норм и ценностей в ситуациях, когда они отличаются от собственно общесоциальных норм.

Слабые попытки религиоведов, на основании существования такого специфического института, как государственная религиоведческая экспертиза, обособить религиоведческую экспертизу в самостоятельную и в рамках судебных процессов, практически всегда отвергались. Действительно: религиоведение в российской научной номенклатуре специальностей есть философская область, а в судебных процессах философствовать особенно не требуется: необходимо наличие прикладных компетенций, позволяющих анализировать религиозные тексты и религиозные практики. Однако сегодня подготовка религиоведов все в большей степени приобретает тот самый прикладной уклон: религиовед

должен не только хорошо владеть социологическими, социально-антропологическими, психологическими, но и лингвистическими, и зачастую – математическими – методами исследований, особенно когда речь идет о т.н. больших данных. До настоящего времени эти познания использовались религиоведами либо в научной сфере, либо, что реже, в области государственно-конфессиональных отношений.

Отдельная часть религиоведческого сообщества неоднократно пыталась заострить внимание на том факте, что религиоведческая экспертиза может выступать формой контроля за деятельностью религиозных организаций. Особо подчеркивалось, что речь идет о тех «проблемных» организациях, которые, в связи с тем, что религиоведческая экспертиза не является обязательной, получили в свое время государственную регистрацию, в которой позже органы государственно-конфессионального взаимодействия начинают сомневаться¹. В процессе работы автору неоднократно приходилось слышать о подобных сомнениях от государственных служащих, занимающихся работой с религиозными организациями. Причем, у этих специалистов не было никакой личной заинтересованности, а лишь большой опыт работы с пострадавшими.

Еще один важный факт: религия далеко не всегда является неким застывшим монолитом. Религия как часть нравственно-духовной сферы жизни общества, развивается и изменяется. Религиозные организации, особенно те, что квалифицируются зачастую как «новые религиозные движения», формируют и развивают свою теологию за то короткое время своего фактического существования, что несопоставимо с тысячелетиями традиционных религий. Это может привести к тому, что буквально за 10-15 лет меняются сами организации, их практики, меняется их понимание и реализация, отношения с социумом и государством, меняется если не догматический каркас, то его толкование².

Сегодня мы получили первый громкий случай, когда судья принял решение на основании собственно религиоведческой экспертизы. В России нет прецедентного права, однако закон не запрещает и не исключает, что может быть повторение процесса, когда, при рассмотрении

1 См. например: старый диалог <http://www.vesti.ru/doc.html?id=289427> Однако эту часть религиоведов своевременно охарактеризовали как культистов, сектоведов и т.д.; <http://cyberleninka.ru/article/n/religiovedcheskaya-ekspertiza-kak-sredstvo-protivodeystviya-religioznomu-ekstremizmu-v-rossiyskoy-federatsii> и т.д.

2 Данный вывод сделан на основании лонгитюдного исследования протестантских церквей 2012-2015 гг.

дела другой религиозной организации, решение судьи тоже будет базироваться на основании религиозно-экспертной экспертизы. И это ставит, в первую очередь, перед самими религиоведами ряд проблем, которые они должны решить, для того, чтобы являть собой действительно научное сообщество. Кто такой религиовед как судебный эксперт; какова его научная этика, учитывая столь специфический жанр, и расходятся ли судебная экспертиза и обычная научная этика; что представляет собой экспертное религиозно-экспертное сообщество, в целом, и существует ли оно на данный момент как факт?

В рамках данной статьи хотелось бы четко разобраться, каким требованиям должна удовлетворять религиозно-экспертная экспертиза³. При рассмотрении конкретных экспертиз судом часто ставится задача проведения экспертизы на экспертизу, т.е. метаэкспертизы. Представляется, что многие религиоведы, до сих пор участвовавшие в процессах в качестве судебного эксперта, достаточно слабо представляли себе, что такое процедура метаэкспертизы [1] - то есть оценка экспертных заключений, а сам факт возможного попадания текстов их экспертиз в качестве объекта изучения вызывает у них раздражение. Вместе с тем, выработка единых критериев невозможна без единого понимания данных позиций всем религиозно-экспертным сообществом.

Итак, вопрос первый: каким объективным требованиям должен удовлетворять сам эксперт? Казалось бы, чем должна отличаться научная этика от этики судебного эксперта? Да, судебная экспертиза по жанру – это не совсем научная работа, хотя бы с точки зрения целевой аудитории: в суде религиоведы встречаются редко, судьи с религиозно-экспертным образованием – никогда. Поэтому существует достаточно жесткий перечень требований, которые предъявляются к заключению эксперта; они определены законом⁴.

Мало кто из экспертов беспокоится по поводу строгого соблюдения процедуры, и тем более готов и может предъявить хоть какие-то доказательства обучения принципам написания религиозно-экспертной

3 По этому вопросу выпущено некоторое количество публикаций, однако до сих пор не существует ни единой методологии, ни единого терминологического каркаса для приведения мультипарадигмального теоретического религиоведения к соответствию и единообразию практического правового поля. Однако существуют попытки представить существование подобного, из самых последних публикаций см.: <http://religiopolis.org/religiovedenie/9773-religiovedcheskaya-ekspertiza-v-svete-obshchenauchnykh-printsipov.html>.

4 См.: Статья 204 УПК РФ.

экспертизы. В Федеральном законе указано: эксперт должен иметь высшее образование и дополнительное профессиональное образование. В научном сообществе распространено мнение, что достаточно образования по специальности, а проходить какое-либо дополнительное обучение не требуется, так как нет общеобязательной сертификации религиозоведческой экспертизы⁵, к тому же общеизвестно: обладание специальными познаниями в области религиоведения, ввиду узкой специфики, делает практически невозможным доказательство сознательного введения суда в заблуждение, или дачу ложных показаний.

В течение последних нескольких лет, в процессе преподавания для религиоведов «Основ государственной и судебной религиозоведческой экспертизы», опираясь на многолетний опыт в области именно судебной религиозоведческой экспертизы и религиозоведческих исследований, автору приходилось знакомиться с огромным количеством религиозоведческих исследований и экспертиз самых разных исследователей. Это оправданно не только с той точки зрения, что учиться лучше на чужом опыте, ну и на чужих ошибках, конечно. Зачастую суд, передавая материалы для изучения эксперту, предлагает материалы исследований и экспертиз, проведенных до определения суда, фактически передавая этим эксперту право и необходимость вновь оценить те же факты, что и эксперты до него, но на новом уровне⁶. И эти материалы явно показывают отсутствие понимания частью исследователей специфики данного жанра, более того, зачастую рассчитаны на то, что судья не обладает специальными религиозоведческими познаниями, или более того, не сможет заметить факт

5 Однако в действительности курсы повышения квалификации, также как и просто обучение экспертам зачастую предоставляют экспертные организации, если они заинтересованы в повышении качества экспертиз. АНО КМЦЭ в начале своего функционирования в течение двух лет обучал своих экспертов с приглашением ведущих специалистов страны в области гуманитарной экспертизы; в 2013 году кафедра религиоведения КФУ проводила КПК «Основы религиозоведческой экспертизы», в которых участвовали в том числе д.юр.н. В. Пчелинцев и к.юр.н. И.В. Загребина, проводились теоретические занятия по вопросам теологии с участием профессоров РГГУ для глубинного понимания объекта исследования, практикумы по религиозоведческой экспертизе с использованием различных методов, занятия по мониторингу и экспертным исследованиям в религиозных организациях.

6 Так было и в ходе процесса 2015 г. по перерегистрации устава Церкви саентологии г. Москвы: определением суд передал экспертному учреждению материалы дела, к которым прилагалось всего две единицы печатной продукции Церкви. Очевидно, что строить выводы эксперт на этом основании не мог, и запросил дополнительные материалы.

сознательного искажения данных или их подтасовки при оценке. Связана эта, скажем, небрежность, с тем, что даже если другой религиовед придет к другим выводам, это можно объяснить другой методологией, парадигмой – что для гуманитариев вполне нормально, или вообще обвинить оппонента в конфессиональных симпатиях.

И все-таки существует ряд этических позиций, манипулирование которыми, с точки зрения науки, являются недопустимыми, а появление подобных фактов в судебных экспертизах должно являться основанием для их отвода.

Обратим внимание на формальные критерии, предъявляемые к эксперту. Проведенная по материалам судебных экспертиз и религиоведческих исследований метаэкспертиза⁷ показала, что даже на этом уровне эксперты начинают манипулировать судом, фактически предъявляя ложные сведения, чтобы склонить его на свою сторону, убедить в своем праве проводить экспертизу. В этом вопросе необходимо быть внимательным также потому, что прекрасно выполненная работа, по факту небрежного заполнения формальных требований может быть отведена другой стороной.

Первая позиция, предъявляемая эксперту как специалисту, обладающему специальными познаниями – образование, наличие ученой степени и звания. Проблема религиоведческого образования в нашей стране – весьма актуальна и даже болезненна. Как известно, строго формально религиоведческое образование впервые появилось в России совсем недавно, исходя из чего говорить о наличии у нас специалистов старше примерно 30 лет, с высшим профильным образованием не приходится. Однако мы наблюдаем в экспертизах указание, например, что эксперт «в 1985 году окончила... университет, специальность – религиовед»⁸. Запрошенная копия диплома об образовании, приложенная к материалам дела, четко указывает, что специальность у эксперта была «философ, преподаватель философии». В данном случае такая

7 Проведение метаэкспертизы преследовало научно-познавательные и учебные цели. Все религиоведческие исследования и религиоведческие экспертизы представляют собой единый массив данных, посвящены рассмотрению одного объекта и раскрывают логически связываемый перечень вопросов. Фамилии экспертов в результатах метаэкспертизы и в данной статье фигурировать не будут в силу защиты их профессионального статуса.

8 Данная цитата приводится из экспертизы №4, к сожалению, не представленной на данный момент в открытом доступе. Нотариально заверенная копия была продемонстрирована редакционной коллегии издания.

формулировка есть прямое искажение фактов с целью обосновать срок профессиональной работы как религиоведа.

Бывает, что пункт об образовании эксперта вообще не заполняется (потому как оно непрофильное), либо указывается только профильная степень, что также является нарушением.

В то же время нельзя сказать, что исследований религии в России и ранее, в СССР, не велось. Речь идет о том факте, что обучались люди на специальностях, имеющих вариативную возможность изучения религии, таких как философия и история, и изучали философию религии, историю религии, религиозные тексты. Позже к ним добавились социологи, изучающие социологию религии. Сегодня и история религии, и социология религии – часть паспорта специальности «Философия религии и религиоведение». Однако звучащие иногда замечания в залах суда, что обучавшиеся на этих специальностях – не религиоведы по базовому образованию – некорректны, и доказываются это темами дипломных работ, и далее – кандидатских и докторских диссертаций, то есть реальными фактами, имеющими место, а не их оценкой⁹. Таким образом, еще раз подчеркнем: в формальной части экспертизы должны присутствовать только факты, оценка и интерпретация выносятся в исследовательскую часть экспертизы.

Необходимо отметить, что есть одно направление – научный атеизм, правопреемником которого в России считается религиоведение. Так ли это? Должны ли исследователи, обучавшиеся на данных кафедрах, указывать свою специальность так, как она звучала в советское время, или допустимо ее «интерпретировать»? Проблема не кажется искусственной. Дело в том, что дипломные работы, кандидатские, докторские работы, выполняемые в этом направлении, зачастую не являли собою пример применения религиоведческого анализа, но лишь реализовывали государственную атеистическую политику, доказывая несовершенство, упаднический характер, отсутствие свободы в религиях мира и т.д. Так, многие квалификационные работы начинаются со словосочетания

⁹ Например, когда Астахову Л.С. обвиняют в отсутствии профильного образования, и кандидатской в области религиоведения, можно подчеркнуть, что в экспертизе указана специальность кандидатской диссертации. Так, дипломная работа называлась «Язычество мари как символическая система», а кандидатская по специальности «Социология духовной жизни» выполнялась на тему «Нетипичные формы религиозной трансформации». Таким образом, суд принимает факт, что исследователь занимается изучением религии с 1995 года, и это подтверждается документально. Впрочем, когда выяснилось, что один из обвинителей по базовому образованию химик, данная проблема несколько снизила напряженность.

«Критический анализ...». Критика, получившая распространение в тот период, особенно касаемая наиболее укорененных, традиционных религий, зачастую переносится ими из советского времени на нашу почву, сохраняется и объект критики – РПЦ, ислам; противопоставляются им те организации, что кажутся более «свободными», «неограниченными» - а это современные новые религиозные движения.

В исследовательской части примерами подобного рода «традиционной критики» могут являться многочисленные переходы эксперта от обсуждаемой религиозной организации к доказательству «от противного». Так, исследуя саентологию, например, эксперты постоянно обсуждают православную церковь: говоря о «Кредо саентологии» сравнивают его с «Символом веры», говоря о практиках пожертвований – сравнивают с жизнью священников «от приноса» и «треб», рассуждая о писании саентологов обсуждают, сколько слов в Библии, а поднимая вопрос о связи саентологии с художественной литературой (что вопросами совершенно не предполагалось, кстати), вместо объемного творчества Р.Л. Хаббарда говорят о жанрах книг Библии и о ее художественных образах. Так, одно из исследований известного в правовом поле религиоведа, результаты (без формальной части) которого представлены 17 страницами, содержат максимум одну страницу текста, посвященного только саентологической церкви: на 16 страницах анализируется РПЦ (примерно суммарно 10 страниц), буддизм (примерно 3 страницы), иудаизм (3 страницы) [2]. Обосновывается это использованием сравнительного метода: «сравнительное религиоведение является фундаментальным разделом наук о религии. Он применяется в отношении интересующих исследователя признаков, которые обнаруживаются у одного явления (религии) и ищутся у других. В данном случае целесообразно взять те признаки саентологии, которые способны вызвать сомнения в ее относимости к классу религий, то есть к одному классу с христианством, иудаизмом и буддизмом...» [2, с. 10-11]. Однако сегодня для науки общеизвестно: сравнение на основании неких внешних признаков без содержательного анализа недопустимо. Внешне схожие факты могут иметь совершенно разные причины и итоги своего функционирования. Так, оригинал картины и копия схожи, но во многом несопоставимы ни по цене, ни по культурной значимости; обрезание может быть итогом религиозного верования – или совершенно светской операцией, проведенной по медицинским показаниям: схожесть внешняя не означает внутреннего логического сходства феноменов. Этот пример показывает, что, возможно, данные эксперты пытаются использовать сравнительный метод, однако в итоге они уходят от поставленных вопросов к критике православия (в первую очередь), зачастую

традиционной для той системы образования, в которой они воспитывались. Кроме того, чтобы использовать сравнительный метод, необходимо хорошо знать объект исследования, однако даже это не всегда наблюдается: встречаются рассуждения о традиционных религиях, ограничивающиеся общеизвестными историческими фактами.

Таким образом, возникает потребность в разработке некоей системы доказательства компетентности. Возможно, стоит обратить внимание на предложенную ВАК систему ориентации на количество публикаций по проблемам экспертизы. Ведь при приеме публикаций в профильные, рейтинговые журналы их качество определенным образом оценивается, следовательно, это может являться одним из критериев, подтверждающим квалификацию эксперта. Однако стоит отметить, что здесь также требуется своего рода система отбора. Так, одна из систем оценки рейтинговых публикаций, распространенных на Западе, и перенимаемых сегодня у нас, предлагает не считать публикации автора, если он сам состоит в редакционной коллегии этого журнала – в этом случае сложно доказать, что процедура рецензирования действительно имеет место, и что она была достаточной и объективной: очевидно, что другие члены редколлегии могут не критично оценивать статьи коллег, из дружеских соображений, или по причине профессионального доверия в едином коллективе.

В этом ключе выявляется и другая, еще более сложная проблема: мир религий столь велик, и у религиоведов, несомненно, существует специализации – исламовед, буддолог, специалист по новым религиозным движениям и т.д. Более того, вопросы, поставленные судом, могут поднимать проблему специализации не в прямую: например, специалисту по ритуальным практикам можно анализировать религиозные действия многих религий, а вот буддолог вряд ли сможет дать экспертизу по Свидетелям Иеговы. Также в некоторых текстах встречались упоминания о наличии уже проведенных экспертиз по данной организации в прошлом: необходимо расценивать это как положительную или отрицательную характеристику для суда? Как это ни парадоксально, скорее – отрицательную: человек мог сформировать определенное отношение к религиозной организации, и при новых вопросах и новых открывшихся обстоятельствах сможет ли он объективно и беспристрастно рассматривать эту организацию снова?

Возвращаясь к формальным требованиям, предъявляемым к экспертизам, отметим, что из специфических замечаний можно выделить следующие:

- не во всех экспертизах указываются сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- не всегда понятно, вопросы, поставленные перед экспертом, поставлены должностным лицом, назначившим экспертизу, или самим экспертом в порядке особого мнения;
- не всегда конкретизируется, как определяются объекты исследований и материалы, представленные для производства экспертизы: так, в части экспертиз встретились единые списки материалов и статей по проблемам изучаемой организации, без указания, определялся ли этот список должностным лицом, или выбран самим экспертом. Если подозрения верны, то получается, что массив данных эксперт формировал сам, следовательно, нарушается принцип закона о неправомерности самостоятельного сбора экспертами данных по экспертизе.

Поскольку основной темой данной статьи было рассмотрение специфики жанра религиозно-экспертной экспертизы, не хотелось бы подробно останавливаться на основных двух содержательных параметрах проанализированных текстов, которые указаны в законе:

- 1) содержание и результаты исследований с указанием примененных методик;
- 2) выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование.

Таким образом, каким требованиям должна удовлетворять сама экспертиза? Д.А. Леонтьев [1, с. 50-51] выделяет следующие критерии:

1. беспристрастность позиции эксперта,
2. полнота анализа,
3. логика рассуждений,
4. ответы на вопросы.

В этом ключе, учитывая ограниченный характер публикации, отметим лишь ряд встреченных примеров нарушений, выявленных при содержательной оценке экспертиз.

О нарушениях беспристрастности позиции эксперта могут свидетельствовать однонаправленный вариант ответа, эмоционально окрашенная, насыщенная, оценочная лексика.

Так, в случае нескольких возможных вариантов ответа на поставленный вопрос весьма часто встречается, что эксперт предлагает только один, тот, который ближе ему методологически (формально: если парадигмально есть вариативность в ответах, эксперт должен указать возможные варианты и обосновать выбор того, который ему кажется единственно верным). Так, если эксперт рассуждает о том, является ли религиозной некая организация, и анализируя понятие религии (согласно вопросу, а не собственному суждению), он должен предложить варианты ответов как за положительный, так и за отрицательный ответ, причем по возможности раскрыть их. Однако в анализируемых экспертизах подобное сопоставление мы встретили только в одном из двадцати исследований.

Что касается эмоционально насыщенной лексики, можно привести следующие примеры: «изучив эту конкретную позицию вероучения саентологической доктрины, я как исследователь нашла для себя объяснение причины высокого процента положительных ответов саентологов на вопросы, связанные с их отношением к семье, к стране, к обществу, к детям, к патриотизму, с их активной жизненной позицией, и проводимой социальной работой, а также с осуждением ими негативных социальных явлений»¹⁰. Приведенный пример, помимо манипулированием эмоциями читателя, в первую очередь – суда, есть яркая демонстрация личностной позиции автора, причем даже с отходом от самого ответа на поставленный вопрос – выше речь шла о представлениях о Верховном существе.

Другой пример: «Но хотя как процедура исповеди, так и идея скрытой свободы человека присущи и саентологии, и православному христианству, и иудаизму, и буддизму, во всех этих учениях то и другое осмысливается и оформляется по-разному. Что и делает уникальным каждое из них» [2, с. 26] - в приведенной цитате-выводе, призванной раскрыть отношения саентологии с различными религиями, автор, в стиле научной публицистики, не отвечая на вопрос, фактически пытается эмоционально перенастроить читателя.

В других текстах встречались использование следующих эмоционально окрашенных слов¹¹: «недобросовестный», «удивительный»,

10 Данная цитата опять таки приводится из экспертизы №4, к сожалению, не представленной на данный момент в открытом доступе. Нотариально заверенная копия была продемонстрирована редакционной коллегии издания.

11 Мы не будем приводить полные цитаты, ввиду того, что объем статьи все-таки ограничен; однако выбирались именно факты оценочные, с учетом контекста.

«всемогущий», «покушение на ...» и др.

О нарушениях в полноте анализа зачастую свидетельствует недостаточный охват значимой информации – и именно этот аспект чаще всего может являться основанием для отвода экспертизы, так как материалы чаще всего настолько объемны, что дать перечень подробных цитат просто не позволяет объем самого текста заключения.

Что такое по сути охват массива данных? Это знакомство исследователя со всеми представленными материалами, различение значимых и незначимых аспектов, сосредоточение внимания на значимых вопросах поставленных эксперту для получения ответов. Отдельные положения могут постоянно повторяться, если они имеют доктринально значимую окраску, именно поэтому автор может не упомянуть всех материалов в ссылках. Кроме того, часть материалов может попасть в перечень, предлагаемый эксперту для анализа, в некотором роде случайно, не содержа в себе данных для выработки ответов на поставленные вопросы.

И все-таки есть ряд позиций, по которым можно определить факт недостаточности полноты анализа.

Например, список литературы и источников (что уже само по себе нарушение, как мы рассматривали выше, так как автор не посчитал необходимым выделить изучаемый массив) одного из исследований включал 97 наименований. В тексте экспертизы присутствует, в ответе на первый вопрос: 16 общенаучных ссылок, 14 ссылок на одну работу, являющуюся своего рода экзотеричной, своего рода «внешним» пособием, изданным в рекламных целях; 14 ссылок на другие, зачастую повторяющиеся тексты изучаемой организации; при ответе на второй вопрос – четыре цитаты, три из которых не имеют отношения к объекту исследования. В итоге получаем 35 ссылок. А 62 заявленных источника остались за кадром. Но не факт редкого цитирования есть подтверждение неполноты анализа: гораздо ярче об этом свидетельствует количество цитат одного, общедоступного и популяризаторского источника, фактически – социально-приемлемого, имиджевого издания; еще значительнее всего одна цитата как подтверждение ответа на вопрос экспертизы. Создается впечатление, что автор ограничился текстом популярной литературы, не вдаваясь в подробности внутренней жизни организации. Если сопоставить это с массивом источников по Русской православной церкви, например, то это все равно, что изучать жизнь и вероучение Православной Церкви через Библию для детей или «Закон Божий» в популярной версии.

Можно обнаружить нарушения и других указанных признаков. Так, о нарушении логики анализа могут свидетельствовать «неудовлетворительная связь выводов с анализами, произвольность анализа, упрощение причинно-следственных связей» [1, с. 51] В анализируемых экспертизах наблюдаются признаки подобных логических нарушений. Например, в экспертизе указывается, что «Ключевым положением Саентологической теологии является вера в то, что каждый человек является бессмертной духовной сущностью, хорошей в своей основе, которая живёт множеством жизней и имеет потенциально бесконечные способности и способность к бесконечному совершенствованию» [3, с. 54]. Однако ниже мы встречаем: «В отличие от теологии, в саентологической доктрине весьма значительно развита религиозная антропология» [3, с. 56]. Возникает сомнение в логике исследования, так как в первом случае автор привел термин «теология» в контексте саентологической религиозной системы, а ниже – явно противопоставляет их. Что же автор считает теологией и можно ли использовать данный термин применительно к саентологической церкви – не известно. Если же он пытался отметить, что религиозная антропология в саентологии более разработана, чем саентологическая теология, то возникает еще большая путаница: автор фактически пытается удалить антропологию из теологического блока, что некорректно.

Отдельного упоминания заслуживают ситуации, когда эксперты просто перепечатывают тексты представленных книг, либо сжато излагают их, и не давая им интерпретации, фактически используют их как результат экспертного анализа. Подобные случаи встречаются достаточно часто, если к анализу представлены книги экзотеричные, созданные для людей вне организации, и в них уже содержится тот анализ данных, который одобряет религиозная организация. Фактически, этим эксперта провоцируют принять данную интерпретацию как свою, не подвергая ее какому-либо анализу. Например: «Саентологическая церковь, как и любая религиозная организация, имеет свои религиозные символы, с помощью которых она пытается отразить, с использованием материальных объектов, суть и основы своего вероучения:

- восьмиконечный крест, состоящий из двух перекладин (четырёх концов) и четырех лучей и представляющий восемь частей или динамик жизни, посредством которых каждый человек стремится выживать. Эти части символизируют восемь динамик.
- два треугольника, на которые наложена латинская буква S (первая буква слова «Scientology»). Нижний треугольник (вершины

которого) символизируют дружеское расположение, реальность и общение. Верхний треугольник – знание, ответственность, контроль. В целом данный символ означает, что «участвуя в деятельности саентологической религии, человек может постоянно увеличивать свое знание жизни, а также чувство ответственности за нее и контроль над нею»

- треугольник (греческая буква Δ – дельта), разрезанный на четыре полосы, означающий ранний символ Дианетики. Четыре полосы означают четыре первые динамики существования, описанные в Дианетике...» [3, с. 57]

Таким образом, думается, что анализ проблемы соответствия религиоведческих экспертиз необходимым требованиям не ограничится рамками только данного текста. За кадром остается множество сюжетов, связанных с дальнейшим анализом логики рассуждений, характером ответов на вопросы, наконец, допустимых границ религиоведческого исследования в рамках судебного запроса – как изучать организацию, не допустив «самостоятельный сбор материалов», когда каждую минуту вам предлагают что-то почитать или посмотреть? Как разделить рамки профессионального знания и знания, полученного непосредственно в процессе исследования: вдруг автор уже где-то что-то прочитал ранее, изучил в рамках профессиональной научной деятельности – будет ли это считаться самостоятельным сбором материалов (причем проведенном до того, как эксперт вообще получил запрос)?

Представляется совершенно очевидным, что научному религиоведческому сообществу совместно с государством следует обособить от общенаучной практики и по возможности формализовать и сертифицировать процедуру приобретения статуса эксперта-религиоведа. Религиоведческая экспертиза – особый условно научный жанр, требующий, несомненно, квалификации ученого-религиоведа, однако связанный спецификой с процессуальным правом и предполагающий дополнительные компетенции, которые невозможно получить в рамках классического собственно религиоведческого образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев Д.А. Иванченко Г.В.* Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. – М.: Смысл, 2008. – 136 с.
2. http://scientologyfacts.ru/uploads/expertises/tihonravov_expertise_2014.pdf

3. http://scientologyfacts.ru/uploads/expertises/vinokurov_scherbak_expertise_2014.pdf